

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации **РОЖИНА Владимира Олеговича**
«НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР С.А. СНЕГОВА: ПОЭТИКА И
АКСИОЛОГИЯ»,

представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации
(Калининград, 2023, 211 с.)

Рецензируемая диссертационная работа В.О. Рожина посвящена исследованию творчества известного советского и российского писателя второй половины XX века С.А. Снегова (1910–1994). В работе подробно исследуется творческий путь писателя, развитие его творческого «метода», основное внимание при этом уделяется самому известному произведению писателя – роману «Люди как боги». Анализ этого романа позволяет В.О. Рожину делать выводы о специфике авторского подхода к жанру научной фантастики с точки зрения его поэтики и аксиологии. В диссертации творчество писателя рассматривается не только в биографическом аспекте, но также жанровом. Причем автор диссертации учитывает культурно-исторические особенности советской традиции научной фантастики, что открывает доступ к более детализированному изучению творчества писателя.

Как справедливо замечает В.О. Рожин, произведения Снегова, хотя и были весьма популярны в отечественной литературной культуре второй половины XX века, в настоящее время представляют скорее исторический интерес и не привлекают к себе внимания ни широких читательских кругов, ни исследователей (с. 5). Действительно, научных работ о Снегове немного. Это тем более удивительно, что вообще-то советская научная фантастика активно изучается отечественными и зарубежным учеными, причем она вызывает интерес представителей разных дисциплин – помимо филологов также и социологов литературы, культурных антропологов-советологов, историков чтения, компаративистов, переводоведов, специалистов по литературным связям и др. Несмотря на это творчество Снегова парадоксальным образом оказывается «в тени» более «крупных» писателей, таких как И. Ефремов или А. и Б. Стругацкие, которые «перетягивают» на себя внимание общественности. Все это создает очевидную лакуну в понимании советской традиции научной фантастики, ее месте в истории и отечественной литературы, и мировой фантастики. Очевидно, что это понимание не может быть полным без детального освещения разных писателей, в том числе Снегова. Эту лакуну и предлагает заполнить исследование В.О. Рожина. Из сказанного выше становится очевидной **актуальность** рецензируемого диссертационного сочинения.

В диссертации автор ставит перед собой **цель** проанализировать особенности поэтики научно-фантастических произведений Снегова, а также

их аксиологическое измерение, т.е. ценностно-мировоззренческие установки, которые находят свое преломление в научно-фантастической прозе писателя.

Для достижения поставленной в работе цели осуществляется решение *задач* теоретического и практического характера. С одной стороны, В.О. Рожин прослеживает историю становления и развития научной фантастики в западноевропейской и отечественной литературе, устанавливает между ними связи; в фокусе внимания исследования оказывается также история изучения фантастики как общелитературного феномена и отдельного жанра научной фантастики. С другой, в диссертации осуществляется исследование становления Снегова как писателя-фантаста. Для этого в работе реконструируются темы и дискурсы, которые оказали существенное влияние на поэтику писателя. В.О. Рожин выделяет ряд тематических «узлов», что позволяет осуществить последовательный анализ произведений писателя. Во-первых, это комплекс идей Просвещения, которые стали философской основой для прозы Снегова. Во-вторых, это следы «христианского дискурса», т.е. формы проявления религиозного начала в поэтике произведений (сюжет, конфликт, мотивы, образы, реминисценции). В-третьих, это философия космизма. Все это позволило исследователю конкретизировать мировоззренческую позицию Снегова, в том числе в отношении авторской концепции личности: установить признаки «идеальной личности», выявить этические координаты литературных героев Снегова, установить иерархию ценностей персонажей и автора. Одновременно с этим анализ текстов по этим трем «узлам» позволил В.О. Рожину рассмотреть поэтические особенности произведений Снегова: изучить структуру художественного пространства, а также выявить основные изобразительные средства, конституирующие модель мировидения автора и составляющие основы поэтики и аксиологии его художественного мира.

Решение поставленных задач и достижение цели исследования обеспечила *методологическая база исследования*. В диссертации предлагается комплексный подход к анализу текстов Снегова, соединяющий историко-литературный, интертекстуальный, биографический, герменевтический, сравнительно-типологический и аксиологический методы анализа текстов. В.О. Рожин опирается на обширный список научных трудов, посвященных как специальным вопросам изучения творчества Снегова и фантастической литературы, так и более общим проблемам истории литературы, философии и культуры.

Новизна предпринятого исследования заключается в том, что в нем впервые осуществляется попытка изучения творческого наследия Снегова, чьи научно-фантастические произведения редко становятся объектом литературоведческого анализа. В работе определяется понятие научно-фантастического мира Снегова, уточняются и конкретизируются его аксиологическая, прагматическая составляющие; выясняется влияние на писателя философии Просвещения и русского космизма, а также роль религиозного дискурса в его поэтике; устанавливаются корреляции между

системой поэтических и аксиологических средств, образующих модель проектируемого автором вымышленного мира.

В диссертации содержится немало наблюдений, которые могут послужить фундаментом для дальнейшего осмысления творческого наследия Снегова. Вместе с тем необходимо отметить, что не все из этих наблюдений получают в работе должное развитие и освещение, а присутствуют в виде эпизодических соображений, которые не всегда складываются в цельную систему. Так, в работе содержится намек и на специфику авторского понимания некоторых слов (например, «дружба» на с. 107). Дальнейшего развития это наблюдение не получает, однако было бы весьма интересно узнать, какие еще слова в лексиконе Снегова окрашиваются особым авторским отношением. В дальнейшем эти рассуждения могут стать основой для составления «словаря писателя». Схожим образом В.О. Рожин бегло говорит о субъектной организации снеговских текстов (с. 109), но и эту тему не развивает, хотя более детальный анализ позволил бы уточнить выводы о поэтике исследуемых произведений.

Эти замечания не являются принципиальными, а указывают на возможные пути дальнейших разысканий, и, конечно, не отменяют *теоретической значимости* рецензируемой диссертации. В ней приводится достаточно материала, чтобы обогатить представления о творчестве Снегова и его месте в отечественной литературе. Прделанное автором исследование и выводы вносят вклад и в изучение советской традиции научной фантастики.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что ее материалы, основные выводы и положения могут быть использованы в курсах истории отечественной литературы XX века на филологических факультетах университетов и педагогических вузов, а также при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных научно-фантастической прозе.

Достоверность и достаточная степень обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в настоящем исследовании, обеспечивается подтверждением. Таким образом, следует констатировать, что в диссертационном исследовании получен весомый и научно значимый результат.

Вместе с тем естественно, что, как и любое поисковое исследование, диссертация не свободна от не до конца проясненных либо спорных положений и формулировок, которые требуют дополнительного научного обсуждения. Наши замечаний и комментарии носят как общий, так и частный характер.

1. Наибольшие сомнения вызывает метод аргументации, применяемый автором диссертации, в частности, для обоснования связей между мировоззрением Снегова и идеями Просвещения, русского космизма и христианскими религиозными представлениями. В основном эти связи автор устанавливает на основании типологического родства, которое рассматривается как само собой разумеющиеся и никак не

проблематизируется. Неоднократно на страницах диссертации можно встретить фразы вроде: «Совершенно очевидно, что новый золотой век художественной реальности романа “Люди как боги” имеет своим прототипом древние легенды» (с. 75), «семантика антропонима *Андре...* несет в себе дополнительные смыслы, обозначающие... несомненную связь с Евангельскими сюжетами» (с. 150), «Совершенно очевидно, что история необычного ребенка, одного из главных действующих лиц в романе Снегова, вызывает отчетливые ассоциации с библейским текстом» (с. 153), «совершенно очевидной представляется соотнесенность маленького героя Сергея Снегова с Личностью Евангельского Спасителя» (с. 154) и т.д. – подобных примеров в тексте немало. Хотелось бы, чтобы автор привел больше доводов, подтверждающих эти выводы.

Рассуждения о влиянии философии космизма на Снегова завершаются выводом: «Почти в каждом из произведений С. Снегова событийное ядро организуют взаимоотношения человека и Природы, которые в его художественном мире носят диалогический характер и несомненно вписываются в концепцию отечественных космистов» (с. 175). Однако цель исследования не в том, чтобы вписать позицию писателя в ту или другую философскую систему, а в том, чтобы установить, какие представления оказали влияние на Снегова, выявить степень и качество этого влияния.

Более продуктивным, как кажется, было бы выявление биографических связей: в какой степени и в какой форме Снегов был знаком с идеями Просвещения, космизма, христианства, опирался ли он на какие-то конкретные тексты или на общие представления, бытовавшие в окружающем его контексте, было ли знакомство с этими идеями важной частью его биографии? На биографический контекст В.О. Рожин только намекает («есть биографические подтверждения», с. 55), но не пишет о нем подробно. Хотя подобный подход позволил бы более аргументировано говорить о природе выявляемых связей.

Это замечание касается в особенности функционирования «религиозного дискурса» (с. 14) в произведениях Снегова. Вообще сама по себе мысль, что позднесоветский писатель, да еще и фантаст обращается к библейской образности и дискурсу не может не вызывать интерес. Снегов, как указывает В.О. Рожин, не был, «по его собственному признанию, религиозным человеком» (с. 181), и творил он в «атеистических условиях» (с. 93, 156). Как разрешить этот парадокс – использование библейских тем, образов и сюжетов писателем, для которого они не обладали ни личной, ни общественной значимостью? Почему для создания своих текстов он прибегал именно к этой системе представлений, как с ней познакомился, на какие источники опирался (конкретные тексты, общественные стереотипы и др.)?

Этот вопрос любопытен и с точки зрения жанра: религиозное мышление в целом нехарактерно для научной фантастики, которая, конечно, работает с категорией «чудесного», но понимаемого совсем не в религиозных терминах. Разумеется, есть писатели-фантасты, которые привлекают библейский материал, но часто с целью его разоблачения; есть и религиозные

писатели-фантасты, которые посредством жанра пытаются передать читателям опыт сакрального. Однако, по-видимому, к творчеству Снегова это не относится. Так или иначе представляется, что вопрос о «библейском дискурсе» в творчестве Снегова заслуживает более пристального и аргументированного анализа, который учитывал бы рамки, накладываемые личностью писателя, социокультурным контекстом и жанром.

2. Мы не согласны с рядом обобщающих суждений о жанре научной фантастики. Согласно В.О.Рожину этот жанр обладает «определенной аксиосферой», включающей, помимо прочего, идею ответственности человека будущего за последствия осуществляемых им преобразований мира (с. 56 и др.). Ответственность – это универсальная человеческая ценность, она не является специфичной для жанра, т.е. особой эстетической формы, в которой могут реализовываться разные ценности и представления. Вероятно, точнее было бы говорить об индивидуальном авторском понимании жанра.

В.О.Рожин пишет, что научная фантастика «сохраняет позицию предсказания и предупреждения» (с. 56 и др.). Для одних писателей это утверждение справедливо, для других – нет. Действительно, длительное время жанр «рекламировался» как литература предсказаний, а вокруг писателей-фантастов создавался образ «провидцев». Однако уже с середины XX века многие писатели критиковали это представление, отказывались считать себя «гадалками». Вопрос, таким образом, в том, в какой степени это представление было релевантным для Снегова, разделял ли он его, считал ли свои романы «предсказаниями»? Если да, то это черта его личной творческой установки, а не жанра.

В диссертации дается общая характеристика отечественной и «зарубежной» (без пояснения, какой именно) традиций жанра: для первой характерно изображение позитивных сценариев будущего, для второй – негативных (с. 56, 185). Нам это суждение представляется ошибочным.

3. Мы не согласны с рядом тезисов, выдвигаемых в работе. Автор справедливо пишет, что истоки современной фантастики следует искать в культуре романтизма, и связывает ренессанс интереса к сфере чудесного, сказочного и сверхъестественного с кризисом просветительского культа разума (с. 17). Вместе с тем эта же «иррациональная» фантастика породила фантастику научную, исходившую из веры в способность человека рационально познать мир и человеческого языка – мир описать и классифицировать. Это парадокс, который говорит о сложной диалектике, определившей современную фантастику – ее способность одновременно и удовлетворять потребность в сверхъестественном, и не ставить под сомнение веру читателя в собственную рациональность.

Идея единства человека и природы в романе «Люди как боги» показывается через развитие химической промышленности, замены обычной пищи на синтетическую; тем самым люди избегают насилия на природой (с.

174). Как раз наоборот: это говорит об отдалении человека от природы, которая становится своего рода «заповедником», т.е. местом с ограниченным доступом, а значит, незнакомым, чужим, «странным» для человека.

4. Отметим не всегда точное и корректное использование терминов и упоминание имен ученых. В названии главы 1 содержится упоминание «научно-фантастического дискурса» (с. 16), тогда как в тексте главы о дискурсе ничего не говорится. Автор перечисляет имена известных фантастов, говорит об их ценностных установках, однако собственно проблема дискурса, т.е. характерных для жанра форм рассказывания историй (Ж. Женетт), не затрагивается.

В том же ключе упоминается «религиозный дискурс в научно-фантастических текстах Снегова» (с. 14), однако собственно дискурс в работе не исследуется. Автор пишет о ценностном содержании библейских легенд и его отражении в произведениях Снегова, а также анализирует семантику имен снеговских персонажей, но это не относится к анализу дискурса.

В обзоре научной литературе Ц. Тодоров, И. Анненский, Б. Брехт и И. Ефремов называется исследователями научной фантастики и ставятся в один ряд с В.Н. Захаровым, Д. Сувиным и И.В. Головачевой (с. 8). Стоило бы точнее разграничить и исследовательские традиции, и предметные поля. Более того, ни Анненский, ни Брехт, ни Ефремов не являются исследователями.

5. По мере знакомства с диссертационным исследованием В.О. Рожина у нас возник частный вопрос по содержанию. Складывается впечатление, что картина мира Снегова отличается цельностью и стабильностью. В этой картине «каждый человек в частности и все человечество в целом претерпевают качественные изменения, двигаясь по пути к основанию нового единого мира» (с. 143). Действительно ли авторские ценностные установки не претерпевали изменения? Или в данном случае речь идет о картине мира, отраженной только в литературных произведениях?

Безусловно, высказанные замечания не затрагивают основные положения диссертационного исследования, проделанную автором аналитическую работу и полученные в результате выводы.

Считаем, что диссертационное исследование Рожина Владимира Олеговича «Научно-фантастический мир С.А. Снегова: поэтика и аксиология» является научно-квалификационной работой, которая вносит вклад в развитие исследований по истории отечественной фантастики.

Автореферат и публикации автора соответствуют содержанию диссертации.

Таким образом, суммируя вышесказанное, считаем, что представленная к защите диссертация «Научно-фантастический мир С.А.

Снегова: поэтика и аксиология» тематически соответствует паспорту специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации, отвечает требованиям, установленным в п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Рожин Владимир Олегович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

1 декабря 2023 г.

Кандидат филологических наук
(10.01.08 – Теория литературы. Текстология),
преподаватель, кафедра общей теории словесности,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Зубов Артем Александрович

119991, Москва, ул. Ленинские горы, д. 1.
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
+7 (495) 939-10-00
artem_zubov@mail.ru

Подпись заверено

Подпись Зубова А.А. удостоверяю.